

21-й день второго месяца года Цзивэй.

День Гуйю, день разрушения.

Заходящее солнце окрасило небо в кроваво-красный цвет, а тёмные тучи, поднимающиеся с горизонта, были очерчены тёмно-багровым светом. Этот закат отличался от обычных — кровавые лучи, просачивающиеся сквозь тучи, вызывали дрожь.

Мужчина стоял на холме у края города, наблюдая, как огромные чёрные тучи медленно окутывали город, превращая его в мёртвую зону. Несколько ворон, пролетев мимо, каркнули и исчезли в чёрной дымке.

Мужчина бросил что-то в воздух, и предмет, описав дугу, вспыхнул тёмно-зелёным светом, рассыпавшись на множество мелких искр, которые, словно глаза, мерцали в темноте. В этот момент воздух словно застыл, и зелёный свет, мигнув несколько раз, растворился в густой тишине.

В старом доме семьи Ци, хотя время ужина уже прошло, было тихо. Никто не выходил из своих покоев, двери были закрыты, а во дворе Четвёртой госпожи даже не зажгли свет.

Несколько человек в чёрном бесшумно двигались по коридору. Фонари были заранее погашены, и в темноте они, словно призраки, несли с собой холодный ветер, пропитанный смертельной угрозой.

Управляющий Лао У вошёл в кабинет Ци Маошаня и тихо сказал:

— Хозяин, сегодня день разрушения, не время для важных дел. Это дело и так странное, может, перенести на другой день?

— Неужели я испугаюсь какого-то чертёнка? Этот негодяй не должен оставаться здесь ни на день дольше!

Ци Маошань ударил трубкой по столу, его суставы побелели от напряжения. Он смотрел в окно, где тени деревьев на стекле казались искажёнными и зловещими.

Лао У больше не возражал. Он понимал хозяина — этого ребёнка нельзя было оставлять в живых ни на день дольше, независимо от того, какой сегодня был день. Завтра был день рождения старшего сына, и даос, приглашённый хозяином, предупредил, что если не избавиться от нечисти, старший сын не переживёт своего двадцать третьего года.

Чёрные фигуры вошли во двор Седьмой госпожи. Свет в комнате погас, и низкий мужской голос произнёс:

— Седьмая госпожа, простите.

В темноте раздались хаотичные звуки — шаги, падение предметов и сдавленные, но пронзительные рыдания женщины. Вскоре несколько человек вынесли из комнаты мешок, а женщина, спотыкаясь, бросилась за ними, но упала на землю.

— Вам не сдобровать! Вам не сдобровать!

Её лицо было залито слезами, а пальцы впились в землю.

Ци Маошань стоял за зарослями в заброшенном дворе, где уже сложили костёр.

Этот двор давно не использовался. Ещё при прадеде хотели сделать здесь сад с камнями и ручьём, но верёвка порвалась у ворот, и камень убил человека, так что работы прекратили, и двор остался заброшенным.

Обычно сюда никто не заходил, и сейчас это место идеально подходило для их дела.

Несколько человек в чёрных мешках на головах привязывали юношу к столбу цепями, украшенными железными шипами. Ци Маошань отвернулся, глядя на засохшую хайтан.

Цепи затянулись, и шипы, словно острые лезвия, впились в тело юноши. Кровь мгновенно пропитала его одежду, стекая по обнажённой коже, создавая ужасающую картину.

Юноша, до этого момента крепко закрывавший глаза, внезапно открыл их. Кто-то вскрикнул и быстро накрыл его лицо жёлтой бумагой, скрыв глаза.

Услышав крик, Ци Маошань взглянул во двор и встретился взглядом с юношей. Его сердце сжалось, и, хотя глаза были тут же закрыты, он едва сдержал крик.

Это были глаза, подобные кошачьим, с холодным жёлтым блеском.

— Быстрее!

Ци Маошань снова посмотрел на засохшую хайтан и холодно приказал.

Костёр полили маслом, и кто-то бросил факел. Пламя взметнулось вверх с треском.

Огонь быстро добрался до столба, и, коснувшись ног юноши, внезапно вспыхнул ярче, поглотив его полностью.

Чёрные фигуры отступили на несколько шагов. Они никогда не видели такого — огонь не пах горелым мясом, только маслом и деревом. Казалось, в этом пламени горел лишь воздух.

Кто-то, собравшись с духом, подошёл ближе и протянул длинный железный прут в огонь.

В промежутках между языками пламени он увидел жёлтые глаза, пристально смотрящие на него, и узкие, как у кошки, зрачки.

— Это не человек!

С криком он упал на землю, указывая на пламя, а затем бросился бежать к воротам.

— Это злой дух!

— Какой ещё дух!

Ци Маошань ударил ногой уже выбежавшего за ворота человека и взглянул в огонь.

Он увидел бледное лицо юноши. Жёлтая бумага сгорела, но лицо осталось неизменным. Пламя бросало на него колеблющиеся тени, а жёлтые глаза спокойно смотрели на Ци Маошаня.

Он почувствовал тревогу, но не отступил, лишь стиснул зубы:

— Подбросьте дров.

После этих слов на лице юноши появилась улыбка, от которой Ци Маошань едва не задохнулся. Такую холодную и зловещую улыбку он никогда в жизни не видел.

Юноша пошевелил губами и произнёс что-то.

Никто, кроме Ци Маошаня, этого не услышал.

Ци Маошань ухватился за засохшее дерево, чтобы не упасть.

Ещё больше дров и масла бросили в костёр, и пламя осветило ночное небо. Бледное лицо и жёлтые глаза юноши наконец исчезли в огне.

Когда пламя постепенно угасло, во дворе осталась лишь куча чёрного пепла, который порывы ночного ветра разбрасывали по двору, словно чёрные бабочки.

Ци Маошань, глядя на дым и редкие искры, вздохнул с облегчением и только теперь заметил, что его одежда промокла от пота.

Лао У с несколькими людьми копошились в пепле, а затем подошли к нему, дрожащим голосом сказав:

— Хозяин, ничего...

Ци Маошань пошатнулся, и Лао У поспешил его поддержать. Он собрался с мыслями, собираясь спросить подробнее, как вдруг услышал шум из главного двора — крики взрослых и плач детей, полный паники.

— Хозяин! Хозяин!

Слуга с фонарём вбежал, его лицо искажено ужасом.

— Что случилось?

— Старший сын...

Слуга упал на колени, но, произнеся эти слова, больше не мог говорить, лишь тяжело дышал.

— Что с ним? Говори!

Лао У схватил его за воротник.

— Старший сын умер...

Лу Юань проснулся в поту. На стене часы показывали 3:30.

Снова этот сон.

Узкая дорожка из тёмных каменных плит, по обеим сторонам — высокие стены домов, без дверей.

Он шёл по ней, пока не дошёл до конца, где стояли ворота цвета киновари, с облупившейся краской и позолотой, выглядевшие очень старыми.

Он открыл их, и пара тонких, как лук, рук медленно протянулась к нему...

А затем он просыпался. Так было всегда. Он много раз пытался ухватиться за эти руки, но никогда не мог.

Лу Юань лежал в постели, долго не мог прийти в себя. Этот сон сопровождал его столько лет, что он уже забыл, когда началось. Сначала он был растерян, даже испуган, но спустя годы научился воспринимать это как давний, но неосуществлённый эротический сон.

Тем не менее каждый раз сон оставался настолько реальным, что вызывал чувство удушья.

Он потянулся к телефону на тумбочке. Часы были неудобны — если занавески были закрыты, он не мог понять, 3:30 дня или ночи.

<http://bllate.org/book/15429/1366009>